

УДК 821.111

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЗА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ
В ЗАПИСКАХ АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX вв.****Т.С. КОСЕНКО***(Представлено: канд. филол. наук, доц. Д.А. КОНДАКОВ)*

В статье рассматривается этнокультурная специфика образа белорусских земель в записках английских путешественников конца XVIII – начала XIX веков на материале сочинений Уильяма Кокса, Роберта Пинкертона, Джона Стивенса, Мэри Холдернес и Джеймса Холмана. Выделяются и анализируются сходства и различия в изображении увиденного у названных авторов, а также причины их возникновения.

Темы пути, паломничества, странствия очень тесно связаны друг с другом и в той или иной степени отражались в литературе на каждом историческом этапе ее развития. Человек всегда искал свое место в этом мире, новые способы его познания, и писатели не были исключением: рассказы о путешествиях встречаются в художественной литературе с глубокой древности и не теряют своей актуальности по сей день [1].

Творчество английских писателей сыграло значимую роль в становлении жанра путевых заметок и пополнило мировое наследие в различных областях научного знания. Благодаря тому, что многочисленные путешественники фиксировали увиденное в новых землях, их современникам была предоставлена возможность узнавать о новых странах и учитывать опыт путешественников при планировании собственных поездок. Особое влияние на развитие путевого жанра в Великобритании оказало явление «Большой тур» (*Grand Tour*, 1660–1840), который не имел ничего общего с развлекательными путешествиями. Тур имел конкретные цели, и, как правило, завершался литературным описанием увиденного [2].

Традиционная программа тура предполагала посещение Франции и Италии, где молодые люди могли изучать иностранные языки и знакомиться с мировым культурным наследием, однако, зачастую, путешествия служили не только средством получения новых знаний, но имели политические цели. Особую ценность для англичан представляла Российская Империя, так как в то время она вела активную внешнюю политику и укрепляла свои позиции на мировой политической арене. На период XVIII–XIX вв. пришлось и активное изучение белорусских земель, которые входили в ее состав [3, с. 12].

Несмотря на то, что после разделов Речи Посполитой Беларусь не была отдельным государством, заметки о ней были найдены в путевых дневниках многих видных путешественников. Стоит отметить, что среди них были как путешествующие проездом, так и целенаправленно, поэтому причины изображения белорусских земель у всех были разными, но, тем не менее, в описаниях и тех, и других путешественников присутствуют «общие места» (топосы). Главным было выявление культурной, этнической и конфессиональной принадлежности, чуть позже начали уделять внимание белорусскому языку, фиксировались также географические особенности [4].

Следует отметить, что присутствие «общих мест», изображение разными авторами одних и тех же явлений, не делает путевые тексты похожими друг на друга. Несомненно, присутствовали и близкие по значению описания и выводы, однако, у каждого путешественника были свои особенности восприятия, убеждения, индивидуальные интересы, цели. Зачастую даже последовательность изображаемых объектов могла выражать идеологические и ценностные взгляды автора.

Что касается образа Беларуси, то здесь перед ними открывался огромный простор для анализа, сравнений и классификаций, ведь ситуация была для них нестандартной: население различалось по этническому компоненту, конфессиональному признаку. Кроме того, в большинстве случаев, рушились те стереотипы, которые формировались у них на протяжении долгого времени. Так, многие иностранцы считали поляков католиками, а евреев – представителями иудаизма, в Беларуси же, поляки и евреи могли исповедовать православие, а те, кого они считали русскими, зачастую были католиками. Соответственно, находя такое положение вещей необычным, авторы включили в свое описание белорусских земель и культурно-этнографические образы, в изображении которых можно проследить как схожие черты, так и различия.

Первое, что впечатляло иностранцев в Беларуси – большое количество евреев. Мэри Холдернес, кроме их численного отличия заметила их практичность, путешественница описала небольшой еврейский рынок, на котором продавались продукты, предметы первой необходимости и даже редкие антикварные вещи [5]. Предметы роскоши описал и Д. Холман. Остановившись на ночлег в одной из гостиниц, хозяином которой был еврей, он заметил, что у его жены необычный головной убор, который он охарактеризовал как «великолепный», по причине того, что он был украшен жемчугом и драгоценными камнями. Позже, беседуя с одним из постояльцев гостиницы, он узнал, что подобные головные уборы

являются частью традиции и передаются из поколения в поколение [6]. Но подобные традиции были далеко не у всех еврейских семей. Либо в силу экономических возможностей, либо в силу культуры и воспитания. Р. Пинкертон, находясь в постоянных дворах и гостиницах, которые содержали евреи, писал следующее: «Я также посетил несколько их семей; но испытывал отвращение к грязи в жилищах и недостатку чистоплотности» [9, р. 67].

У. Кокс был удивлен не только тем, что евреи встречаются в Беларуси повсюду, но и тем, насколько разнообразна их сфера деятельности. Среди перечисленных профессий были и переводчики, и предприниматели, и фермеры. В Беларуси Кокс впервые увидел евреев, которые работали на земле: «Это быть может единственная страна в Европе, где евреи обрабатывают землю; мы не раз видели, что они сеяли, жали, косили и исполняли иные полевые работы» [7, р. 226].

Д. Стивенс, кроме личных впечатлений привел и исторические сведения, связанные с войной 1812 г., обозначив момент захвата наполеоновской армии Борисова, после чего большую часть населения составляли именно евреи. Однако, несмотря на то, что после войны они остались практически единственными жителями города, он назвал их «мигрирующими людьми без какой-либо привязанности к земле или стране, готовые служить кому угодно, в зависимости от имеющихся мотивов». Стивенс также упомянул случаи, когда евреи проявляли преданность и благородство, но они, по его наблюдениям, были достаточно редкими [8]. Р. Пинкертон, говоря о евреях, в первую очередь подразумевал религиозную принадлежность, сопоставляя число евреев с числом христиан, и был, как правило, сильно расстроен, если количество последних было меньше. Причиной этого являлась его миссионерская деятельность.

Пинкертон также обратил внимание на татар, чего не сделали прочие путешественники. Так, он писал: «В одном из пригородов Минска я обнаружил двадцать пять семей татар, чьи предки обитали здесь, по их словам, уже несколько столетий» [9, р. 90]. Пинкертон утверждает, что они являлись потомками пленных, которые остались на территории Беларуси после войны между поляками и татарами. Несмотря на то, что с момента окончания той войны прошло много времени, татары придерживались традиций своей культуры: носили национальную одежду, сохраняли мусульманскую религию. Рядом с их поселением была мечеть. Однако путешественник был удивлен тому, что многие из них не знают родного языка, в отличие от русского и польского. На вопрос Пинкертона о том, что являлось причиной такого нонсенса, татарин, с которым он беседовал, ответил, что причиной тому являлись браки с польскими женщинами, которые понимали только русский и польский [9]. Также Пинкертон осветил основные занятия татар: выращивание овощей и их продажа на городских рынках. Далее он характеризует «маленькую татарскую колонию» как мирную и спокойную. Интересно заметить, что у Пинкертона нет однозначного названия относительно территории Беларуси, в некоторых описаниях фигурирует «Белая Россия» (White Russia), а в случае с рассказом о татарском населении, он определил место их проживания как «самый центр русской Польши» [9].

Тем не менее, его интересовали местные обычаи, общаясь с населением, он расспрашивал их об обрядах и праздниках, на некоторых застольях присутствовал и сам. Пинкертон заметил, что местное население любит устраивать длительные застолья по разным поводам и отмечал, что иногда застолья могли длиться неделями [9]. Среди праздников были упомянуты свадьбы и крещения. Помимо веселого настроения, автор также заметил присутствие большого количества алкоголя, которое явно портило его впечатления. К слову, причину данного пристрастия он видел не только в отсутствии чувства меры, но и в политике правительства: «Но здесь может возникнуть необходимость выяснить, насколько правительство само по себе имеет отношение к этому национальному греху» [9, р. 75].

Пинкертону было известно, что спиртные напитки низкого качества были доступны большей части населения, что пагубно сказывалось на состоянии здоровья и семей: «Вместо того чтобы ограничить использование бренди, правительство предоставляет людям все возможности для его получения, чтобы увеличить прибыль, полученную из этого несправедливого источника; что составляет почти одну четвертую часть всего дохода империи! Их собственные авторы утверждают, что первый цех по производству спиртных напитков, был построен в Москве по приказу царя» [9, р. 75].

Далее Пинкертон описывает основные предпочтения в еде: «Еда русского крестьянина сильно отличается от еды низших классов в любой другой стране Европы. <...> Они едят больше рыбы, чем мяса; и очень любят грибы (которые они сушат и сохраняют в больших количествах для использования во время зимних голодовок), огурцы, капуста и т. д.<...> До начала восемнадцатого века они были незнакомы почти со всеми видами овощей, кроме капусты, лука, чеснока, огурцов, редиса, тыквы и дыни. Кажется, они любят копченое и соленое мясо, а не свежее. Холодные блюда очень нравятся, особенно летом» [9, р. 69].

Среди гастрономических реалий особенный интерес путешественника вызвал хлеб: «Ржаной хлеб широко используется во всей империи. Он ежедневно находится как на столе крестьянина, так и на столе короля; и каждая семья печет его для собственного потребления. Обычно он хорошо заквашен и обладает степенью кислотности, которая для иностранца поначалу неприемлема, но считается необходимой для

удовлетворения специфического русского вкуса. Хлебцы круглые, диаметром от восемнадцати до двадцати четырех дюймов и толщиной шесть или семь дюймов. Этот ржаной хлеб, обычно называемый черным хлебом, является основной опорой простых людей <...> В целом, они предпочитают ржаной хлеб пшеничному, потому что утверждают, что первый является более питательным» [9, р. 70].

Описывал обеды и У. Кокс, однако акцент делался не на блюдах, а на тех людях, которые разделяли с ним трапезу, или же событиях, которым были посвящены застолья. К примеру, находясь в Гродно, У. Кокс и лорд Герберт были приглашены на ужин к польскому шляхтичу, имя которого не указывается, однако, была описана ситуация, которая вызвала на данном ужине удивление: встретив гостей и побеседовав с ними, шляхтич удалился в свои покои, оставив поручение присматривать за гостями своей жене. Изначально, данная ситуация была воспринята как оскорбление, но затем Кокс сделал вывод, что в данном жесте крылась любезность, так как он пригласил на ужин еще несколько дам, чтобы составить приятную компанию: «Мы ужинали в небольшой, веселой и приятной компании; поляки народ очень веселый, а их дамы очень любезны и хорошо воспитаны» [7, р. 122]. Далее описывается обед с литовским вице-канцлером, графом Тизенгаузеном, на который было приглашено более 80 человек. Среди гостей присутствовали поляки, которые были одеты в национальные костюмы и танцевали народные танцы.

Особенности костюмов были описаны и в другом эпизоде: в трапезной иезуитского монастыря к путешественникам подошел незнакомец. Выяснив, кем являются иностранные гости, он спросил, почему они не имеют при себе сабли и добавил, что это обязательный знак дворянского сословия, который необходимо носить в обществе, чтобы в этой стране принимали за благородных людей [7]. Данная ситуация была воспринята Коксом с удивлением и иронией, во всяком случае, он не придал этому большого значения.

Куда больше У. Кокса интересовало положение в делах науки. Особое место в его рассказе заняло описание заслуг ученого Ж.-Э. Жилибера, которому Кокс доставил послание от польского короля. Ж.-Э. Жилибер в то время заведовал медицинской академией в Гродно. В числе описываемых объектов был ботанический сад, в котором насчитывалось большое количество экзотических растений. Жилибер поделился с Коксом своими планами о написании книги по естественной истории края, в которой он планировал обзор флоры, фауны, минералов, насекомых, четвероногих и птиц.

Наиболее подробно тему просвещения раскрыл в своих заметках Р. Пинкертон, описывая деятельность иезуитов. Долгое время Полоцк был главным центром ордена не только в Беларуси, но и на территории всей империи. Особый восторг вызвал у Пинкертона внешний вид их главного здания, за которым была закреплена огромная территория и большое количество служащих и воспитанников: «Мне случилось войти в их пышно убранную церковь утром, где я обнаружил более 200 юношей, в основном сыновей дворянства, на коленях, на каменном полу церкви, погруженных в молитву. Последним приказом Императора иезуитам было запрещено принимать в свои школы кого-либо, кроме детей, принадлежащих к их собственному вероисповеданию. Однако этот приказ был издан только после того, как российское правительство получило неутешительные доказательства их влияния на умы многих, как молодежи, так и пожилых людей, отправляющих православное исповедание» [9, р. 38].

Помимо иезуитов, в описании Полоцка упоминались также доминиканцы, бернардинцы, тринитарии, пиаристы, базилиане, францисканцы: «Они имеют свои соответствующие монастыри и церкви в Полоцке, многие из которых богато одарены. Эти великолепные общественные здания вносят большой вклад в придание городу внушительного вида, особенно при приближении к нему. Здесь сравнительно мало протестантов и греко-русских. Его нынешние жители не превышают 6000 человек, среди которых значительная часть евреев» [9, р. 63].

По словам Пинкертона, евреи требовали пристального внимания библейского общества, так как они могли препятствовать распространению христианской религии, однако, Пинкертон находил среди них единомышленников, которые помогали ему распространять священное Писание и позволяли посещать еврейские школы и другие учреждения: «Я посетил две их школы в пригороде и беседовал с несколькими их учителями о пророчествах, свидетельствующих о Мессии.<...>При последующем посещении я передал им в руки два экземпляра Нового Завета на иврите, которые они охотно приняли» [9, р. 67].

Миссионер описывал распространение Библии среди еврейского населения как дело затруднительное, по его словам, многие фанатично придерживались иудаизма и скептически относились к христианским доктринам: «В Орше я поговорил с несколькими евреями о знамениях времени и их ожидаемом спасении благодаря Мессии. Они сказали мне, что преподобный Уэй посетил их и оставил им несколько Заветов. Они отказались принять больше; но потом один из них пришел ко мне в частном порядке и искренне попросил один экземпляр, которую я дал ему. Русский священник, главный директор Оршанской библейской ассоциации, собрал значительную сумму и распространил несколько славянских переводов Священного Писания; но он сказал, что служители иезуитского коллегия в этом месте были неумолимы в противодействии распространению польского перевода завета среди католиков» [9, р. 68].

Сопротивление деятельности библейского ордена оказывали и иезуиты: «Секретари общества сказали мне, что здесь должно было с самого начала бороться с решительным противодействием иезуитов, которые всячески пытались препятствовать его [Библейского общества – Т.К.] распространению и угрожали серьезными духовными порицаниями каждому, у кого будет найден Завет» [9, с. 65].

В описании деятельности Общества Иисуса, кроме Полоцка, называются и другие города: Могилев, Витебск, Орша. В Могилеве деятельность иезуитов, вызывавшая одобрение со стороны народа, вступала в противоборство с интересами более влиятельных представителей местного духовенства, которые поддерживали начинания Библейского общества. Пинкертон отмечает: «Когда я прибыл в Могилев, меня приняли в уютном жилище во дворце престарелого архиепископа Даниила, по великой доброте которого я столь активно участвовал в 1816 году в учреждении Библейского общества для этой провинции. Его Высокопреосвященство и архимандрит рассказали мне подробно о своих трудах с той поры, что оказалось и радостным, и обнадеживающим. Они собрали 30000 рублей (1200 фунтов), образовали пять ассоциаций в районных городах и распространил 3200 Библий и Заветов на разных языках, из которых несколько экземпляров были переданы в руки военных» [9, с. 80].

О Витебске Пинкертон оставил следующую запись: «Здесь также много различных религиозных орденов, упомянутых в разделе «Полоцк», а также несколько других; каждый в своем монастыре и живет во взаимной ревности, а нередко в открытой войне. У русских есть только одна церковь, 8 монастырей для римско-католических монахов и монахинь, 3 римско-католических церкви, 11 униатских римско-католических церквей, 2 семинарии, гимназия и 3 синагоги, с около 14,000 жителей<...>» [9, с. 68]. В описании каждого города присутствуют статистические сведения не только о количестве церквей и числе определенных конфессий, но и об успехах в распространении Библии: указывается количество проданных книг и вырученные суммы.

Таким образом, первым делом путешественники обращали внимание на разнообразие этнического состава и преобладания в нем еврейского населения. Далее акцент делался на описании быта и некоторых традиций, которые им удалось заметить за время своего пребывания в Беларуси. В данном случае также наблюдалась неоднозначная картина: с одной стороны, путешественники были удивлены не самыми лучшими условиями проживания крестьян, а также их нечистоплотностью, с другой – частыми в описаниях были образы утонченных и образованных представителей высших сословий. Религиозную составляющую затрагивали далеко немногие, а детально описал лишь Р. Пинкертон, в заметках которого присутствует многообразие, обусловленное вниманием к представителям разных конфессий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Thompson, C. *The Suffering Travel errand the Romantic Imagination* / C. Thompson. – Oxford: Clarendon Press, 2007. – 299 p.
2. Brewminate.com [Electronic resource]. – Mode of access: <https://brewminate.com/the-grand-tour-educational-journeys-from-the-16th-to-18th-centuries>. – Date of access: 29.03.2019.
3. Белякова, Н.Ю. У. Кокс и его «Путешествия»: Екатерининская Россия в программе английского образовательного Grand Tour: автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.03 / Н.Ю. Белякова; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. – СПб., 2006. – 28 с.
4. Плещеев, С. Обозрение Российской Империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии учиненное флота капитаном, ордена Святого Георгия кавалером Сергеем Плещеевым / С. Плещеев. – СПб. : Шнор, 1787. – 33 с.
5. Holderness, M. *Journey from Riga to the Crimea, with Some Accounts of the Manners and Customs of the Colonists of New Russia* / M. Holderness. – London: Sherwood, 1827. – 342 p.
6. Holman, J. *Travels through Russia, Siberia, Poland, Austria, Saxony, Prussia, Hanover undertaken during the years 1822, 1823 and 1824* / J. Holman. – London: G.B. Whittaker, 1825. – 383 p.
7. Coxe, W. *Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark* / W. Coxe. – Dublin: S. Price [et al.], 1784. – 616 p.
8. Stephens, J.L. *Incidents of travel in Greece, Turkey, Russia and Poland* / J.L. Stephens. – London : G.B. Whittaker, 1847. – 443 p.
9. Pinkerton, R. *Russia or Miscellaneous observations on the past and present state of that country and its inhabitants* / R. Pinkerton. – London: Seeley and Sons, 1833. – 486 p.